

УДК 343.211(045)

*Г.А. Решетникова***КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА**

В научной статье в качестве аналитической модели для поиска ответов на вопросы об уголовно-правовой политике в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства (далее – уголовно-политическая концепция безопасности) применяется концептуальная схема (интересы – угрозы – защита), используемая в базовых документах стратегического планирования государственной политики в области обеспечения безопасности, в частности, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Учитывая, что концептуальная схема является теоретической основой исследования, ее применение было нужно для: установления структуры исследования; определения ключевых проблем и конкретных вопросов, на которые необходимо ответить при изучении уголовно-политической концепции безопасности; выявления и обеспечения ясного и точного представления о базовых понятиях, лежащих в ее основе; нахождения взаимосвязей между этими понятиями. Исследование базируется на диалектическом методе познания социальных явлений и процессов. Для достижения целей исследования были использованы также общие и частные методы. Среди общих методов применялись дедукция и индукция, анализ и синтез и системно-структурные способы познания. Среди частных методов – формально-юридический, лингвистический, социологический.

Ключевые слова: безопасность, криминологическая безопасность, концептуальная схема, интересы, угрозы, защита, личность, общество, государство, уголовно-правовая политика в области обеспечения безопасности, уголовно-политическая концепция безопасности; субъекты уголовного права, меры безопасности, иные меры уголовно-правового характера.

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-326-332

Уголовная политика является частью внутригосударственной политики. Какое бы понятие не давалось уголовной политике в науке уголовного права, она в любом случае обладает общими характеристиками, свойственными государственной политике, и специфическими признаками, характеризующими ее природу и применение. По мнению Т.Г. Понятовской, производный характер уголовно-политической концепции определяется тем, что в ее основании лежит тот же концепт, что и у политической концепции [1]. М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин, В.К. Андриянов считают, что в качестве исходного положения в концепции уголовной политики содержится криминологическая идея. Суть этой идеи – криминологическая безопасность. Соответственно, базой российской уголовной политики, ее стержнем, – пишут они, – следует признать концепцию криминологической безопасности (безопасности от криминальных угроз) [2]. Но что в таком случае является основополагающей идеей самой криминологической безопасности, цитируемые авторы ответа не дают.

Чаще всего название видов безопасности ограничивается конкретной сферой общественной жизни. Но общественной жизни не может быть без субъекта. Изучение того или иного вида безопасности, в том числе и криминологической безопасности, ценно разработкой мер, направленных на обеспечение безопасного существования, прежде всего субъектов социально-политического взаимодействия – личности, общества и государства. Таким образом, виды безопасности, названные в нормативно-правовых актах, или рассматриваемые в научной литературе, обусловлены решением задач, обеспечения состояния защищенности субъектов социально-политического и правового общения, производных от человека, находящего свое естественное продолжение в социально-политических и правовых конструкциях: «личность»; «общество»; «государство»; «физическое лицо»; «юридическое лицо». Другими словами, «физическое лицо» и «юридическое лицо» – это абстрактные юридические понятия, социально-правовые конструкции существования человека в праве, выполняющие служебную функцию реализации его правовых интересов. Социально-политическая сущность социально-правовых конструкций «физическое лицо» и «юридическое лицо» заключается в том, что с их помощью реализуются интересы человека как социального субъекта, существующего в виде других абстрактных социально-политических конструкций – «личность», «общество», «государство» [3].

Разумеется, эти отношения не являются отношениями уголовной ответственности. Они представляют собой отношения, обуславливаемые социально-политическими факторами, и имеют других субъектов уголовного права – личность, общество и государство.

Н.С. Таганцев писал: «...говоря о субъектах прав, на которые посягает виновный, мы придаем этому понятию совершенно своеобразное значение. Понятие субъекта в этом определении не ограничивается лицами физическими и юридическими, но это понятие распространяется на такие фиктивные единения, которые иногда не имеют никакой определенной юридической структуры...» [4].

В теории права эти отношения называются общими (общерегулятивными) правовыми отношениями или абсолютными правовыми отношениями [5]. Вопрос об их существовании в уголовном праве является дискуссионным. Нет необходимости останавливаться на аргументах «против» их существования, ввиду неоднократного анализа в научной литературе [6-8]. Доводом «за» них назовем лишь один аргумент. Положения ст. 2 УК РФ говорят о личности, обществе и государстве, охране их интересов, как необходимых условиях их благополучия, а не о потерпевшем или лице, совершившем общественно опасное деяние. Н.В. Шигина определяет эти отношения как политико-правовые отношения, имеющие собственное содержание. По ее мнению, государство использует право устанавливать обращенные к индивиду запреты в жизненно важных интересах личности, общества и самого себя. Индивид обязан им следовать, в противном случае – нести ответственность за несоблюдение этой обязанности. Одновременно с этим государство обязано гарантировать безопасность личности и общества ненарушением политических границ. Этой обязанности противостоит право индивида требовать от государства соблюдения пределов его репрессивной власти [9]. Из этой мысли следует, что объектом этих правоотношений является безопасность личности, общества и государства.

Таким образом, специфичность общих уголовно-правовых отношений, ввиду особенностей их структурных элементов, проистекает из специфичности субъектного состава, содержания и объекта. Из них исходят все остальные уголовно-правовые отношения.

Отличительным свойством политической концепции безопасности (национальной безопасности) является ее универсальность. Содержание уголовно-политической концепции безопасности должно удовлетворять требованиям, предъявляемым к политической концепции безопасности (национальной безопасности), то есть использование той же концептуальной схемы, что и в политической концепции безопасности: интересы – угрозы – защита.

Учитывая, что в общем виде концептуальная схема – это совокупность взаимосвязанных понятий и отношений между ними, необходимая и достаточная для получения производного понятия [10], под национальной безопасностью, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее Стратегия 2021 г.), понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойное качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [11]. «Национальные интересы» являются смыслообразующим понятием в определении национальной безопасности, как объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии [11].

«Интересы» в праве является общим понятием, включающим в свой состав все виды интересов, реализация которых может быть опосредована в сфере правового регулирования. Сюда входят и те интересы, – как верно отмечается А.Г. Малиновой, – реализация которых лишь подразумевается законодателем, и те, на необходимость учета, защиты и обеспечения которых прямо указывается в законодательстве» [12]. Совокупность правовых норм (право) и правовые отношения выполняют важную функцию, являясь средствами для правового общения между субъектами права. Они создают условия для обеспечения социального благополучия и удовлетворения насущных потребностей субъектов правовых отношений. Безопасность является гарантией социального благополучия.

А.В. Иглин пишет: «... ученые, авторы законопроектов, а также и сам законодатель придают принципиальное (политическое) значение отражению в Особенной части Уголовного кодекса жизненно важных интересов личности, общества и государства, подчиняя ее нормы определенному порядку. Именно данный порядок запретов имеет свое собственное политическое значение. Во-первых, будучи ориентированной на выделенные и обособленные субъекты уголовного права, Особенная часть УК создает ясную картину их защищенности. Это позволяет решать вопросы совершенствования уголовно-правовой охраны, достаточности отражения в ней жизненно важных интересов субъек-

тов уголовного права. Во-вторых, система Особенной части УК РФ (порядок, в котором закреплены нормы) является показателем социально-политического значения интересов того или иного субъекта уголовного права» [13].

Следует поддержать авторов, отрицательно относящихся к точке зрения, что очередность размещения норм Особенной части УК РФ зависит от ценности объекта посягательства. В таком случае, – отмечает Г.П. Новоселов, – придется согласиться с тем, что например, объект посягательства, предусмотренный нормой ст. 357 УК, менее ценен, чем объект убийства, или менее ценно здоровье населения, охраняемое нормами гл. 25 УК РФ, чем нормами гл. 16 УК РФ [14]. Полагаем, что безопасность субъектов уголовного права, их интересов должна обеспечиваться равной уголовно-правовой охраной. Определение же приоритетов в уголовно-правовой охране является политическим решением, которое основано на политической оценке.

Термин «жизненно важные интересы» на законодательном уровне сейчас не используется. Однако весьма активно применяется в научной литературе. В соответствии с законом «О безопасности» 1992 г. понятие «жизненно важные интересы» определялось как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства [15].

Система жизненно важных интересов личности, общества, государства – довольно сложная категория. Являясь долговременными и по большей части постоянными, они тесно связаны между собой, переплетаются и частично совпадают, но могут быть и расходящимися, или даже непримиримыми. Поэтому насущной является задача по нахождению баланса жизненно важных интересов всех субъектов социального общения и взаимодействия. В современном понимании (согласно Стратегии 2021 г.) жизненно важные интересы личности, общества и государства – это интересы нации, находящиеся в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности [11].

Жизненно важные интересы субъектов уголовного права находят выражение в нормах Особенной части уголовного закона: личности – в разд. VII УК РФ; общества – в разд. IX УК РФ; государства – разд. X и XI УК РФ; экономические интересы всех субъектов уголовного права – личности, общества и государства – в разд. VIII УК РФ. Экономические интересы субъектов уголовного права, как необходимые условия благополучия их «вещественного существования», относятся к числу жизненно важных интересов личности, общества и государства, имея в равной степени одинаковое правовое содержание, социально-политическое значение и механизмы реализации. Доказательством чему является уравнивание, в том числе и в уголовно-правовом смысле, всех форм собственности. Собственно, это качество объясняет их оформление в виде самостоятельного раздела и их включение в систему Особенной части УК РФ [13]. Это утверждение согласуется и с положениями Стратегии 2021 г., где в п. 3 отмечается, что настоящая Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны [11]. Отдельный раздел преступлений против военной службы выделяется из-за различий между государственной и военной службой, которые являются частями единой системы управления органов исполнительной власти, но имеют разные цели. Преступления против мира и безопасности человечества не имеют прямого отношения к безопасности субъектов уголовного права, а только опосредованное отношение. Однако вряд ли можно сомневаться в важности обеспечения безопасности этих общественных отношений и том значении, какое они имеют для безопасности всех субъектов уголовного права.

По мнению А.Э. Жалинского, перечисленные в ч. 1 ст. 2 УК РФ объекты не отражают содержащиеся в Особенной части УК многие виды уголовно-правовых запретов. Охраняемые ценности не описаны, истолковать их весьма затруднительно. Не определены и пределы их уголовно-правовой охраны [16]. Мы же в свою очередь полагаем, что здесь гораздо значительнее показать не столько содержание правоохраняемых интересов (перечислить их подробно просто невозможно), сколько их социальное значение как одинаково важных для личности, общества и государства. В преамбуле к Стратегии 2021 г. указано, что только гармоничное сочетание сильной державы и благополучия человека обеспечит формирование справедливого общества и процветание России. Для этого необходимы согласованные действия по реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, направленные на нейтрализацию внешних и внутренних угроз и создание условий для достижения национальных целей развития [11].

Присутствие в концептуальной схеме понятия «угрозы» – неслучайное понятие, поскольку не существует безопасности без ее противоположности «опасность». Два этих явления взаимно исклю-

чают и взаимно дополняют друг друга. О чем свидетельствует и языковая форма выражения понятия. Приставка «без» присоединена к слову, а не к основе. Использование этой приставки обозначает отсутствие чего-либо или недостаток. Используя этимологический подход, нами был выявлен основной признак, который определяет сущность понятия «безопасность». Этим признаком является «защищенность», так как слово «опасность» происходит от слова «пасти», которое означает «сторожить» или «защищать», а глагол «защищать» образован от слова «щит». Поэтому, несмотря на серьезную критику, оптимальным, имеющим конститутивное значение является определение безопасности как состояния защищенности [17].

На наш взгляд, как бы не называлось явление, способное причинить вред (ущерб) состоянию защищенности личности, общества и государства – риск, вызов, угроза и т.д. – это все «опасность», в Стратегии 2021 г. определяемая как «угрозы национальной безопасности», то есть совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам [11].

Но что же конкретно образует промежуточный элемент указанной концептуальной схемы, обозначенный нами как угрозы в уголовно-политической концепции безопасности?

Полагаем, что ими являются опасное деяние, признаваемое преступлением, и опасная с криминологической точки зрения личность. Это с одной стороны. С другой стороны, безопасными должны быть и уголовно-правовые средства воздействия. Справедливы слова А.Э. Жалинского, что в ст. 2 УК РФ перечислены внутренние и внешние задачи, направленные как на законодателя и правоприменителя, так и на лиц, которым запрещено определенное поведение. По его мнению, внешние задачи связаны с воздействием на общество, они более подвержены изменениям, внутренние же задачи отражают специфику уголовного права [18].

Хотя относительно опасной с криминологической точки зрения личности непосредственно в ч. 2 ст. 2 УК РФ ничего не сказано, необходимо учитывать следующее: опасность совершения лицом общественно опасного деяния исходит из негативных социальных качеств отдельной личности, ее взаимоотношений с другими людьми, ее личных потребностей, мировоззрения, представлений о нормах нравственности, убеждений и т.д. Б.В. Волженкин пишет: «...объективная возможность совершения общественно опасного деяния определенным лицом существует до момента преступления, в чем и заключается объективная опасность личности...» [19]. Приведенная цитата Б.В. Волженкина верна при одном условии – существует только лишь один признак, по которому можно оценить о реальных мыслях и намерениях отдельной личности – это совершенные им опасные деяния [20]. В контексте уголовного права, это характер и степень общественной опасности деяния и степень общественной опасности деятеля. То, что лицо опасно, проистекает из опасности совершенного им деяния. В этом заключается связь деяния с деятелем, что принципиально отличает это от идеи «опасного состояния» индивида, для признания которого таковым и не нужно совершать какого-либо общественно опасного деяния. А.А. Пионтковский писал: «Общественную опасность деяния и общественную опасность личности нужно брать в их единстве и взаимной связи. Общественная опасность деяния определяет и общественную опасность личности, а общественная опасность личности отражается на общественной опасности совершенного им деяния» [21]. Б.Т. Разгильдиев отмечает, что «... общественная опасность деяния в качестве своей органической части включает в себя и опасность личности. Она становится опасной в силу совершенного преступления» [22]. Одновременно с этим нужно понимать, что общественная опасность личности и общественная опасность деяния – это не тождественные понятия, и не во всех случаях эти понятия пропорциональные. Тем не менее, их объединяет то, что они оба обладают свойством опасности.

В контексте обеспечения безопасности личности от репрессивной власти государства основным является следующий вопрос: какими признаками должна обладать опасная с криминологической точки зрения личность в целях избежания необоснованного привлечения к уголовной ответственности? Этот вопрос правомерен на том основании, что объектом общих уголовно-правовых отношений является не только безопасность личности, общества и государства от преступных посягательств и опасная с криминологической точки зрения личность (как состояние защищенности их жизненно важных интересов), но и безопасность личности от репрессивной власти государства.

Заключительным элементом концептуальной схемы является «защита». В Стратегии 2021 г. она обозначена как «обеспечение национальной безопасности» – реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями политических,

правовых, военных, социально-экономических, информационных, организационных и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности [11].

В число правовых мер безопасности, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности, входят и меры уголовно-правового характера, к которым в соответствии со ст. 2 УК относятся наказание и иные меры уголовно-правового характера. Следовательно, и наказание, и иные меры уголовно-правового характера относятся к мерам обеспечения безопасности (меры безопасности). В этом проявляется социально-правовое значение задач уголовного закона. Задачи УК РФ, основанные на Конституции РФ, а также общепризнанных принципах и нормах международного права, обусловленные необходимостью обеспечения безопасности личности, общества и государства, баланса реализации их интересов, состоящие (решаемые) путем принуждения, его и узаконивают, что в конечном итоге, выражаясь словами А.Э. Жалинского, заключается в обеспечении общественного блага [16], то есть в наши дни, сформировавшегося политико-правового явления – национальной безопасности.

Сомнительна позиция Д.А. Безбородова и А.В. Зарубина, считающими неверным использование термина «меры безопасности» по причине отсутствия его упоминания в ст. 2 УК РФ [23]. В свое время Н.В. Щедрин хотя и выделил виды мер безопасности, а также признаки, отграничивающие наказание от мер безопасности, но пришел к выводу, что каждое наказание есть мера безопасности, каждая мера безопасности есть отчасти наказание. По его мнению, каждого из названных видов регуляции жизнедеятельности общества (наказание и меры безопасности) не бывает в «чистом» виде. В реальной жизни, – пишет он, – распространены «сплавы», в которых эти виды сочетаются в разных пропорциях [24]. Скорее не «сплавы», а их разумное сочетание, исходя из следующих соображений. Подход Н.В. Щедрина подразумевает широкое значение в понимании мер безопасности. Мы же, в свою очередь, допускаем значение мер безопасности в узком (исключительном) смысле. Их основанием является степень опасности, которую обнаруживает субъект, совершивший те или иные общественно опасные деяния. Следовательно, их социальная обусловленность проистекает из необходимости оградить личность, общество и государство от опасной в криминальном отношении личности. Меры безопасности в его узком понимании хотя и связаны с преступным деянием, но являются поводом, а не причиной.

Для узкого понимания мер безопасности имеются и формально-юридические основания – это внесенное изменение в Уголовный кодекс РФ, в соответствии с которым разд. IV стал называться «Иные меры уголовно-правового характера».

Однако вопрос о том, соответствуют ли находящиеся в названном в разделе меры его узкому значению, является предметом другого исследования, так как в этом исследовании нами ставились иные цели – выявить конкретное и точное представление о базовых понятиях, лежащих в основе уголовно-политической концепции безопасности. Тем не менее, выскажем некоторые соображения о мерах безопасности в его узком значении.

Пронизанные идеей целесообразности, меры безопасности базируются в большей степени, чем наказание, на принципе индивидуализации и назначения данному лицу той меры, которая больше всего этому случаю соответствует. Меры безопасности весьма разнообразны в зависимости от особенностей причин, порождающих опасную с криминологической точки зрения личность. Ввиду тех различий, которые представляют отдельные группы лиц, претерпевающих из-за своей опасности эти меры, логично, что они преследуют разные цели. Причем некоторые из них могут совпадать с целями наказания, например, с предупреждением преступлений. Либо преследовать цель излечения. Кроме того, имея разную природу (наказание и меры безопасности), они могут назначаться в совокупности по тому основанию, что в наказании содержится идея возмездия, тогда как меры безопасности этой цели не преследуют.

Не соответствует названным сущностным признакам мер безопасности судебный штраф, предусмотренный ст. 104.4 УК РФ, потому что в его основе находится не опасность преступника, а степень и характер общественной опасности преступления. Напротив, не вызывают каких-либо разногласий принудительные меры медицинского характера. С одной оговоркой: число лиц, кому могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, должно пополниться лицами, совершившими преступление и признанными нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании, как это было до 8 декабря 2003 г., когда Федеральным законом № 162 п. «г» ч. 1 ст. 97 УК РФ был исключен [25]. Практика, накопленная за годы медицинской и правоохранительной деятельности, показала, что на определенных стадиях развития алкогольной или наркотической зависимости

человек утрачивает способность принимать взвешенные и обоснованные решения, в том числе касающиеся необходимости лечения. Некоторые больные начинают проявлять асоциальные наклонности, которые приводят к совершению правонарушений и преступлений. Подобная категория лиц представляет угрозу не только для других людей, но и для самого себя.

Современная трактовка конфискации имущества позволяет отнести ее к мерам безопасности, поскольку отличается от трактовки конфискации имущества как вида наказания тем, что при ее назначении не учитывается характер и степень общественной опасности преступления, как это было необходимо в соответствии с ч. 2 ст. 52 УК РФ. В современных условиях государство использует конфискацию имущества в целях предотвращения продолжения преступной деятельности.

Разумеется, в действующей редакции УК о мерах безопасности, как о структурно обособленной, законодательно установленной системе правовых норм (институте законодательства), речи не идет. Основное препятствие для систематики заключается в том, что в УК РФ отсутствует понятие иных мер уголовно-правового характера, позволяющее отграничить от всех иных мер, установленных уголовным законодательством, кроме наказания. Однако, думаем, не снимает проблему теоретического обоснования «мер безопасности» в качестве института уголовного права.

Следовательно, концептуальная схема интересы – угрозы – защита, как теоретическая основа исследования, позволила определить ключевые понятия, используемые в уголовно-правовой политике в области обеспечения безопасности личности, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понятовская Т.Г. Концептуальные основы системы понятий и институтов уголовного и уголовно-процессуального права. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та. 1996.
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е., Андриянов В.К. Уголовная политика: Учебное пособие. М.: РГУП. 2018.
3. Решетникова Г.А. Объекты национальной безопасности: их природа, социально-политическое и правовое значение. // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2021. Т. 31, вып. 4.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: в 2 т. Тула, 2001.
5. Вопленко Н.Н. Правовые отношения: понятие и классификация // Вестник ВолГУ. Сер. 5. Вып. 6. 2003-2004.
6. Ляпунов Ю.И. Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны. // Уголовное право. 2005. № 1.
7. Васильченко А. Общерегулятивные (общие) уголовно-правовые отношения. // Уголовное право. 2005. № 4.
8. Решетникова Г.А. Об объекте уголовно-правовой охраны в науке уголовного права. // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2019. Т. 29, вып. 4.
9. Шигина Н.В. Субъекты уголовного права и уголовно-правовых отношений. // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 1.
10. Масленников Е.В. Принципы формирования концептуальной модели предмета исследования в методологическом контексте социологического измерения // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011.
11. Указ Президента Российской Федерации № 400 от 02.07.2021 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/
12. Малинова А.Г. Интерес как правовая категория, его специфика в семейном праве: Учеб. Пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА. 2002.
13. Иглин А.В. Личность как субъект уголовного права: дис. ...канд. юрид. наук. Ульяновск, 2008.
14. Новоселов Г.П. Система Особенной части УК РФ // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 1(25).
15. Закон РФ «О безопасности» от 05.03.1992 № 2446-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_376/
16. Жалинский А.Э. Уголовная политика и задачи уголовного права. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/18713-ugolovnaya-politika-zadachi-ugolovnogo-prava>
17. Решетникова Г.А. Безопасность субъектов права: философский анализ понятия «безопасность». // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2018. Т. 28, вып. 4.
18. Жалинский А.Э. Избранные труды. Уголовная политология. Т. 3. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. 2015.
19. Волженкин Б.В. Избранные труды. URL: <https://law.wikireading.ru/hMcvVZwu24>
20. Ленин В.И. Цит. по Волженкин Б.В. Избранные труды. URL: <https://law.wikireading.ru/hMcvVZwu24>
21. Пионтковский А.А. Цит. по Волженкин Б.В. Избранные труды. URL: <https://law.wikireading.ru/hMcvVZwu24>
22. Разгильдиев Б.Т. Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста. 2013. № 2.
23. Безбородов Д.А., Зарубин А.В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды: учебное пособие. Санкт-Петербург. 2015.
24. Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: Монография / Краснояр. гос. ун-т, 1999.

25. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 № 162-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45408/

Поступила в редакцию 20.02.2024

Решетникова Гульнара Аликовна, кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права и криминологии
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 4)
E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru

G.A. Reshetnikova

**CONCEPTUAL SCHEME OF CRIMINAL LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ENSURING
THE SECURITY OF THE INDIVIDUAL, SOCIETY AND THE STATE**

DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-2-326-332

In the scientific article, as an analytical model for finding answers to questions about criminal legal policy in the field of ensuring the security of the individual, society and the state (hereinafter referred to as the criminal-political concept of security), the conceptual scheme (interests - threats - protection) used in basic documents is used strategic planning of state policy in the field of security, in particular, the National Security Strategy of the Russian Federation. Considering that the conceptual framework is the theoretical basis of the study, its application was necessary to: establish the structure of the study; identifying key issues and specific questions that need to be answered when studying the criminal-political concept of security; identifying and providing a clear and precise understanding of the basic concepts underlying it; finding relationships between these concepts. The research is based on the dialectical method of cognition of social phenomena and processes. To achieve the objectives of the study, general and specific methods were also used. Among the general methods, deduction and induction, analysis and synthesis, and systemic-structural methods of cognition were used. Among the private methods are formal legal, linguistic, sociological.

Keywords: security, criminological security, conceptual scheme, interests, threats, protection, personality, society, state, criminal-legal policy in the field of security, criminal-political concept of security; subjects of criminal law, security measures, other measures of a criminal legal nature.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Reshetnikova G.A., Candidate of Law, Associate Professor at Department of Criminal Law and Criminology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/4, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: reshetnikovagulnara@mail.ru